

От редактора рубрики

Очередной номер «Ойкумень» посвящён проблеме формирования коммуникативного пространства в Восточной Азии. Тема основной рубрики номера сформулирована нарочито широко, чтобы попытаться отразить различные проявления данной проблемы.

Выстраивание единого мирового коммуникационного пространства или, иными словами, создание такой возможности, чтобы люди совершенно различных частей планеты напрямую общались друг с другом, представляет собой вполне устоявшийся мировой тренд. В сущности, говоря о глобализации, необходимо понимать, что подобный процесс может быть возможен только в таких условиях, которые позволяют найти понятную всем систему символов и знаков.

Концентрация внимания на регионе Восточной Азии вполне оправдана. В отличие, например, от Европы, где общие цивилизационные коды позволяют представителям различных сообществ общаться на одном понятном всем языке, Восточная Азия представляет собой уникальный пример региона, в котором контактируют совершенно разные цивилизации. Интересно заметить, что страны региона, относящиеся к одному и тому же цивилизационному типу, очень быстро находят точки для соприкосновения и формируют достаточно эффективные интеграционные сообщества. Это происходит даже в том случае, если между этими странами существовали какие-либо исторические противоречия. В то же время попытка выстроить хоть какую-то устойчивую систему многосторонних отношений в Северо-Восточной Азии, регионе, где происходит контакт культур, терпит постоянную неудачу. Элементарное недопонимание друг друга – это ли не одна из основных причин подобных неудач.

В разноплановых статьях дальневосточные учёные рассматривают различные аспекты процесса формирования коммуникативного пространства. Открывает рубрику статья В.А. Бурлакова, в которой автор поднимает в целом новую для геополитики проблему возможности установления достаточно действенного контроля над каким-либо государством, используя, прежде всего, несиловые методы. Одним из основных методов такого рода является стратегическая коммуникация. Данный метод стал популярен в последнее время и уже широко используется такими странами, как США и Китай в своей внешней политике.

По сути, продолжает поднятую выше тему статья Е.С. Задворной «Конструирование идентичности как инструмент межкультурного взаимодействия Японии и Китая». На примере Японии и Китая исследователь показывает интересный процесс, когда страны транслируют собственную идентичность. Через набор символов, чётко окрашивающих собственную особость, страны осуществляют межкультурную коммуникацию. Автор статьи рассматривает яркие примеры трансляции странами своих образов в таких формах, как аниме-дипломатия, гастро-дипломатия, поп-дипломатия, кинематограф, новости, популяризация языка и т.д.

Проблему регулирования интернет-журналистики в Китае поднимает в своей статье исследователь Лю Янь. Китайская система регулирования интернет-пространства является одной из наиболее жёстких. Крайне строгие ограничения касаются деятельности журналистов, публикующихся в интернете. Автор достаточно подробно анализирует, насколько может быть действенна система правового регулирования интернет-журналистики, сферы, которая, с одной стороны, призвана за-

щищать авторитет правительства, а с другой, выступать площадкой выражения политических интересов масс.

Статья профессора А.А. Хисамутдинова, хотя и вынесена в рубрику «Научные сообщения», в целом существенно дополняет основную тему номера. Автор концентрирует внимание на очень важной проблеме – истории функционирования российской периодической печати в Харбине. В конце XIX – начале XX вв. в Китае можно было найти немало городов, в которых доминирующее положение принадлежало иностранным, прежде всего, европейским диаспорам. Харбин – показательный пример китайского города, в котором в значительной мере была представлена российская диаспора. Изучение исторического опыта взаимодействия русских и китайцев должно помочь в выстраивании современной системы отношений. Существенным инструментом в выстраивании отношений всегда была периодическая печать. Поэтому привлечение внимания именно к данному историческому источнику вполне оправдано.

Конечно, следует согласиться, что представленные в настоящей рубрике статьи, лишь частично охватывают заявленную проблематику. Было бы слишком самонадеянно утверждать, что несколькими работами можно раскрыть проблему формирования коммуникативного пространства в Восточной Азии. Вместе с тем, можно надеяться, что авторы смогли решить ряд значимых задач, и полученные ими результаты станут стимулом для дальнейших научных поисков.

В.А. Бурлаков